

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 102 – 112

UDC 902:94 (564/575)

Yu.A. Yolgın

“Archeological Investigations” Research Institute of M. Auezov SKSU, Shymkent, Kazakhstan
E-mail: yolgınuriy@gmail.com

NICHE OF ILYAS-KHAN: PORTAL OR MIHRAB?

Abstract. Niche of Ilyas-khan is considered as an independent architectural element in the complex of Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi for the first time. This paper raises a question about its origin, function and place in the composition and sacral program of the Sufi complex of Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. The paper also analyses variants of its interpretation as the portal and as the role of mihrab niche. The authors hypothesize on the analysis of literature sources about Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi and find confirmation of the hypothesis in archeological and architectural-engineering investigations in the second half of XX century.

Keywords: Islam, Sufism, mosque, mihrab, pishtak, portal, architecture, archeology, excavations, exploratory shaft, memorial, deposition, niche, arch, mausoleum, church, necropolis.

УДК 902:94 (564/575)

Ю.А. Ёлгин

НИИ Археологических исследований при ЮКГУ им. М.О. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

НИША ИЛЬЯС-ХАНА: ПОРТАЛ ИЛИ МИХРАБ?

Аннотация. Ниша Ильяс-хана впервые рассматривается как самостоятельный архитектурный элемент в комплексе мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Поднимается вопрос о её происхождении, назначении и месте в композиции и сакральной программе суфийского храмового комплекса мавзолея Ахмеда Ясави. Анализируются варианты её интерпретации в качестве портала и в роли михрабной ниши. Свою гипотезу авторы строят на анализе литературных источников по мавзолею Ясави и находят подтверждение ей в археологических и архитектурно-инженерных исследованиях второй половины XX века.

Ключевые слова: ислам, суфизм, мечеть, михраб, пештак, портал, архитектура, археология, раскопки, шурф, мемориальный, захоронение, ниша, арка, мавзолей, храм, некрополь.

Ведущие археологи Казахстана суть многофункционального комплекса Ясави определяют как *храм суфийской общины* [1, с. 66]. Наряду с божественным геометрическим строем и другими признаками отнести мавзолей Ясави к храмовым зданиям позволяет, на наш взгляд, архитектурный элемент, также выступающий одним из проявлений соломонова начала в архитектуре тимуровского комплекса. Речь идёт о так называемой нише Ильяс-хана.

Ниша устроена в восточном фасаде, вплотную к юго-восточному минарету главного портала и конструктивно с ним связана. Включённость ниши в композицию восточного фасада подчёркивает эпиграфический фриз, завершающийся над нею, и панель из известняковых плит с майоликовыми вставками, понижу опоясывающая три фасада здания. Этот архитектурный элемент не случаен в композиции внешнего объёма мавзолея, он есть своего рода *post scriptum* в некой сакральной программе памятника.

В научной и научно-популярной литературе эта ниша называется по-разному. Л.Ю. Маньковская в своих текстах называет её «восточной нишей» [17, с. 62]. Название «ниша Ильяс-хана» встречается исключительно в подписях к иллюстрациям во всех изданиях памятника. На схема-

тических планах в альбомах мавзолея Ясави ниша Ильяс-хана названа «восточным порталом» [14, рис. на с. 49; 23, рис. на с. 20]. Другие авторы называют её чаще всего «восточной нишей» (Б.Т. Туякбаева) и «нишей восточной стены» (К.А. Шахурин). Н.Б. Бакланов, догадываясь о сакральном значении ниши Ильяс-хана, именует её «особой нишей восточной стены» [2, с. 63].

Устойчивое словосочетание «ниша Ильяс-хана» не связывается с каким-либо историческим лицом. Оно сложилось на основе предания, зафиксированного М.Е. Массоном в 1928 году. Оно гласило, что в этой нише находились могилы некоего Кукрас-хана и Аулье-хана, которые были погребены на этом месте ещё до возведения мавзолея и оставлены непотревоженными по особому распоряжению Тимура из уважения к личностям покойных [20, с. 14]. Здесь в описании М.Е. Массона вкралась досадная описка – восточная стена ошибочно названа северной [21, с. 43]. В остальном они, как всегда, скрупулёзны. Любопытно, что он отмечает наличие чираг-ханы для возжигания свечей [20, с. 14].

Однако полагаем, что и чираг-хана, и захоронение, и сама легенда о восточной нише имеют очень позднее происхождение, и достоверность этих сведений сомнительна. На первом документальном изображении мавзолея Ясави, помещённом М.С. Бекчуриным в «Военном сборнике» в 1866 г., на рисунке, схематичном, но подробном, чираг-хана и надгробие в восточной нише отсутствуют [3, с. 209-217]. Не показаны они также на плане 1884 г., равно как и на плане в тексте М.Е. Массона. В личном архивном фонде Б.Н. Засыпкина хранится план первого этажа мавзолея Ясави, сделанный по обмерным чертежам студентов Московского архитектурного института под руководством Н.Б. Бакланова в 1938 г. [6, с. 32]. На нём в числе надгробий внутри мавзолея и в нише главного портала показаны упоминаемые М.Е. Массоном детали.

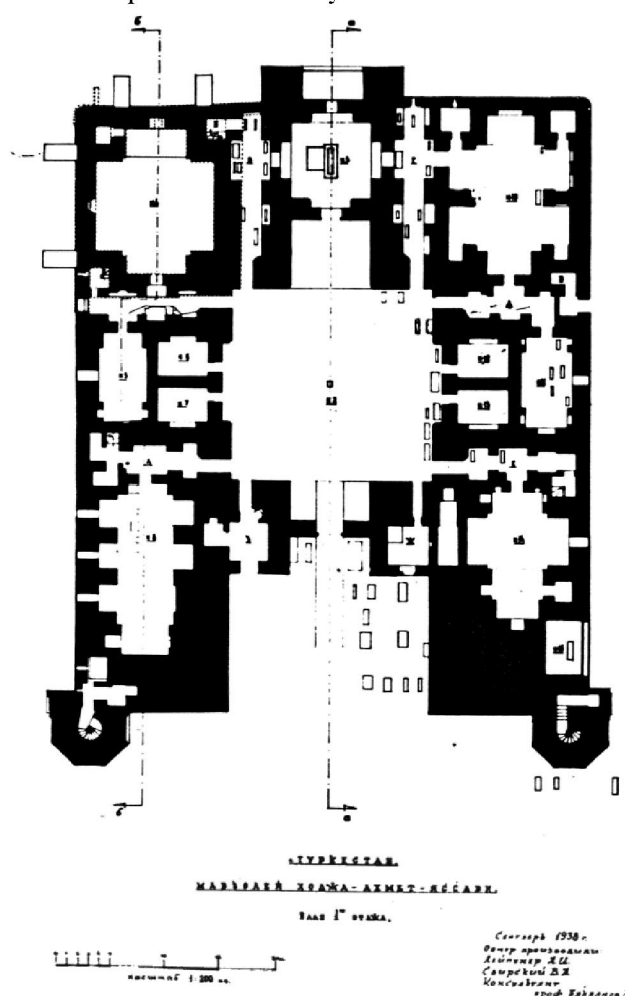

Рисунок 1 - Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. План. 1938 г. (из личного архивного фонда Б.Н. Засыпкина)
Создаётся впечатление, что «чираг-хана» и надгробие появились едва ли не после русского

завоевания. К.А. Шахурин пишет, что ниша была заполнена рыхлой землёй с кусками жжёного кирпича, ганча и облицовочных кирпичиков во время сооружения «ограждающей стенки», отделяющей нишу по линии фасадной стены [38, с. 11]. Этот бордюр подчёркивал определённое значение восточной ниши. И оно, вероятно, не связано с почитаемым захоронением, как гласит легенда. Но в целом местное предание отражает реальную картину: стены нового комплекса проложены по местам мусульманских погребений, которые были перезахоронены в специальной сагане [30, с. 73].

За период активного функционирования комплекса в XVI-XVIII вв. вокруг него отложились мощные культурные слои до 2,5–3 м от дневного уровня к XIV в. [18, с. 10]. В 1952 г. археолог Специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (СНРПМ, Ташкент) К.А. Шахурин заложил целую серию шурфов по периметру мавзолея снаружи и внутри здания. Часть погребений, отмеченных К.А. Шахуриным, вероятно, относятся к этому периоду. Но некоторые из них могли быть совершены до закладки тимуровского здания. В первом же шурфе у западного пилона северного портала (шурф № 1) К.А. Шахурин обнаружил четыре костяка и куски сырцового кирпича от обкладки могилы – следы мусульманского погребения [38, с. 7]. Остатки захоронений в виде разрозненных человеческих скелетов и кирпичей от обкладки могил чередовались с относительно сохранными погребениями. Залегали они на разной, иногда значительной глубине (отметки колебались в пределах 170–300). Захоронения не датированы, но совершены, как видно, по мусульманскому обряду. Наиболее глубокие и сохранные погребения находились ближе к гурхане и внутри мавзолея (Большой и Малый Ак-Сарай, китап-хана), из чего можно заключить, что какая-то часть обнаруженных захоронений, возможно, произведены до возведения тимуровского комплекса [38, с. 10, 15–18, 20–21].

Что касается восточной ниши, следы захоронения обнаружены около её северного угла (шурф № 14) и между этой нишей и юго-восточным минаретом главного портала (шурф № 17) [38, с. 11, 14].

Шурф в углу у юго-восточного минарета главного портала (шурф № 16) следов захоронений не выявил. Но была откопана закладка двери и лестница, ведущая на минарет [38, с. 13]. К.А. Шахурин подробнейшим образом описал в отчёте шурф внутри восточной ниши. В его описании нет ни слова об остатках каких-либо захоронений, аналогичных предыдущим. Открытием для него, как и для Т.Ш. Карумидзе, явилась заложенная дверь в щипцовой стене ниши, ведущая в помещение неизвестного назначения, также сплошь заложенное. Закладка двери сделана в перевязку с кирпичной кладкой внутри этого небольшого помещения [38, с. 12–13].

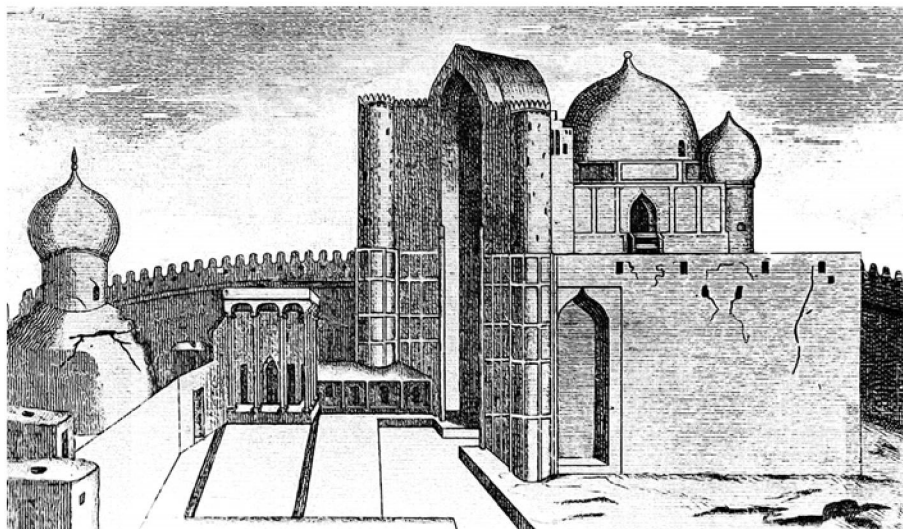

Рисунок 2 - Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1866 г. Рисунок из "Военного сборника"

Исследования К.А. Шахурина были вызваны необходимостью подводки фундаментов под внешние стены мавзолея. Наблюдение за подводкой осуществляла архитектор Т.Ш. Карумидзе.

Помещение за восточной нишей было едва ли не первым её открытием в изучении мавзолея Ясави. В письме к начальнику СНРПМ Б.Н. Засыпкину от 17.06. (1952 г.) она сообщала: «Лично мне интересно определить примыкание двух периодов стройки и знать, что в заложенных помещениях за восточной нишей, за заложенной парной аркой в I эт[аже] западного минарета» [24, с. 3]. Б.Н. Засыпкин в свете исследований Т.Ш. Карумидзе сделал вывод, что когда начали возводить южный портал, помещения за восточной нишей и халим-ханой уже существовали. Они одновременны с нижней частью щипцовой стены главного портала [12, с. 8]. С архитектурно-инженерной точки зрения вывод бесспорный, но в отношении функциональной принадлежности заложенных помещений (помещение на втором этаже было частично заложено, а оконный проём в щипцовой стене – полностью) и происхождении самой восточной ниши ясности не было. Б.Н. Засыпкин далее делает заключение: «По-видимому, через восточную нишу и заложенные помещения был особый вход к колодцу со “святой водой”. Оно сплошь заложено во время сооружения портала» [12, с. 8]. При этом упускается из виду, что колодец вырыт в конце XVIII-нач. XIX вв. [20, с. 17].

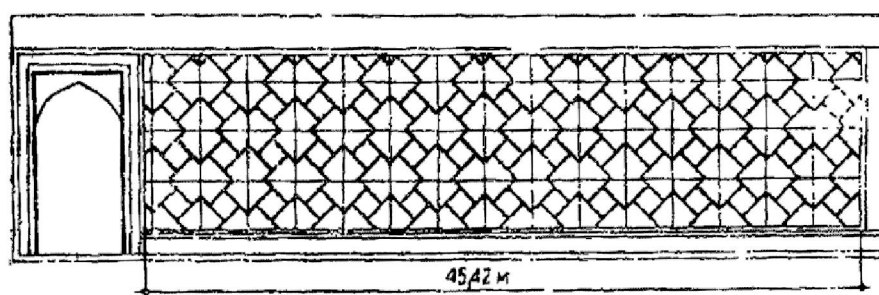

Рисунок 3 - Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Схема композиции восточного фасада (по Л.Ю. Маньковской)

Неизвестно не только назначение заложенного помещения, но и соседствующей с ним кудук-ханы. Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурин признают, что закладка за кудук-ханой не повлияла на функционально-планировочное решение мавзолея [35, с. 68]. Но она могла существенно изменить интерпретирование ниши, архитектурного элемента, важного не столько в функциональном отношении, сколько в семантическом и символично-содержательном понимании мавзолея Ясави в качестве *храмового* комплекса.

В 1955–1957 гг. Л.Ю. Маньковская раскрыла проёмы в щипцовой стене восточной ниши, [17, рис. 6] но, похоже, сознательно уклонялась от комментариев по восточной нише. Помещение за ней лишь единожды осторожно назвала художрой [17, с. 80].

В период реставрации мавзолея 1951–1955 гг. перед Б.Н. Засыпкиным и Т.Ш. Карумидзе в числе других насущных задач встала локальная проблема периодизации строительства главного, южного портала, а с конструктивной стороны – определение границ примыкания этого портала к основному объёму здания. При этом они не могли обойти вопроса о восточной нише. Они трактуют восточную нишу как «особый вход» в мавзолей [12, с. 4]. Даже располагая данными о заложенном помещении, Б.Т. Туякбаева также продолжает утверждать, что восточная ниша была одним из входов в здание [33, с. 32]. Данной гипотезы придерживались и другие авторы. А.К. Муминов полагает, что двери из этой ниши вели в кудук-хану [14, с. 81–82]. На подобную, сугубо утилитарную трактовку архитектурного элемента, имеющего неоднозначное семантическое истолкование, возможно, оказало воздействие мнение М.Е. Массона, что через этот проём «...в старое время проходили на поклонение к гробнице знатные сановные лица» [20, с. 14]. Не потому ли в публикациях о мавзолее Ясави в обозначениях ниши Ильяс-хана появляется слово «портал»?

Ни функционально, ни архитектурно ниша Ильяс-хана, конечно, порталом не является. Вводят в заблуждение её гипертрофированные размеры и выразительная пластика стрельчатой арки.

Применительно к европейской архитектуре портал трактуется как архитектурно выделенный и пластически и декоративно разработанный вход на фасаде в монументальном сооружении. Эти незатейливые определения архитектурно-терминологических словарей сводятся к тому, что портал есть наиболее представительный вход [8, с. 102]. Идея такого входа вполне (если не больше)

приложим к ближневосточному, средневосточному и среднеазиатскому portalу – *пештаку*. Как и всякий портал, пештак имеет в своей основе простую идею входа – сквозного проёма, ограниченного с трёх сторон (справа, слева, и сверху) [28, с. 72]. В сакральных сооружениях ислама эта архаическая структура, извечная парадигма входа, наполняется новым символично-семантическим содержанием.

Несомненно, в теологическом истолковании пештака – парадного входа должна звучать тема врат, будь то храм или дворец [27, с. 61]. Портал-пештак – это врата, прохождение через которые сродни сакральному действию. Но он же играет и роль незримой преграды, устанавливая дистанцию между посвящёнными и непосвящёнными, от которых за громадой пештака скрыто сакральное пространство, чаще всего это гурхана [27, с. 61; 25, с. 80–81].

В более широком контексте пештак, как и любой парадный вход, исторически символизирует переход из одного пространства (открытого) в другое (закрытое) или выход из него [28, с. 72]. Но символика перехода из одного пространства в другое не ограничивается физическим перемещением от мирского к священному, в основе этих ритуалов лежали более сложные трансформации представлений о портале-входе [40, с. 79–88].

В свете вышесказанного странным выглядит размещение портала на восточном фасаде в тесном соседстве с ещё более грандиозным порталом. Сложно судить о ландшафте Ясы в конце XIV в., но оформлять переход из открытой городской среды или некрополя в закрытую, ничтожно малую по отношению к самой нише камору площадью около 17 кв. м – это *non sensus*. Не укладывается оно и в версию об одной из комнат поэтапного торжественного входа в мавзолей. Проём, соединяющий помещение за восточной нишей и кудук-ханой, очень узок и сбит с оси вправо [16, с. 123, рис. 12]. Только протиснувшись через него, можно было попасть в кудук-хану. Затем, повернув налево, посетитель должен был следовать узким тёмным коридором в джамаат-хану (казандык). Подобный путь буквой «Z» не вяжется с посещением святыни сановными особами и вряд ли бы нуждался в монументальном портале.

В 1509 г. мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави посетил Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, сопровождавший Мухаммада Шайбани-хана в его зимнем походе против казахов. В его сочинении «Михман-нама-йи Бухара» («Записки Бухарского гостя») есть немало восторженных строк об этом архитектурном шедевре. Он, казалось бы, будучи особой, не последнего ранга, должен был войти в мавзолей через «особый вход», тем более, что главный, южный портал его в начале XVI в. оставался ещё недостроенным. Из описания ибн Рузбихана следует, что в казандык он проходил иным путём. Именно в казандыке ибн Рузбихан видел колодец, который он сравнил – ни много, ни мало – с «началом источника Салсабил» [11, с. 208]. Колодец был обнаружен археологами в центре казандыка в 1997 г. и расчищен на глубину 7,4 м. В период достройки мавзолея Ясави владельцем Бухары Абдулла-ханом II (1591–1592) он был засыпан обломками квадратного жжёного кирпича и фрагментами керамического декора. На его месте, на специальном фундаменте был установлен легендарный котёл, отлитый для мавзолея в 1399 г. [31, с. 24–25].

6 апреля 1509 г. мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави посетил основатель Бухарского ханства и династии шайбанидов Мухаммад Шайбан-хан. Ибн Рузбихан посвятил этому событию специальную главу в «Михман-нама-йи Бухара». Вот как он описывает это действие: «Надев на себя *ихрам* поклонения могиле его святейшества Х^ваджа и отвечая «слушаюсь» на призыв божий, он от чистого сердца совершил [ритуальный] обход вокруг той ка'бы прошения, побежал по тропе молящихся и со смирением и покорностью поспешил пойти поклониться к жилищу *муджавиров* из совершающих коленопреклонение и земные поклоны. То, что подобает по обязательным правилам прославления и чествования такого преславного и чтимого места, было исполнено почтительным слугой» [11, с. 209]. В этом отрывке в общих чертах описан обряд *зийара* (от ар. *посещение*), едва ли не главным, в котором является ритуальный круговой обход святой могилы (в данном случае всего мавзолея) [26, с. 77], Могла ли играть ниша Ильяс-хана роль «наружной *зийрат-ханы*», которую Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурин приписывают северному portalу мавзолея Ясави ? [36, с. 109] Читаем далее у ибн Рузбихана: «Снаружи куполообразного здания, на краю западной суфы, которая находится у порога могилы, он присел, и чтецы слова Божия приступили к благопристойному чтению нараспев. *Муджавиры* поднесли великолепные вкусные яства» [11, с. 209]. Очевидно, речь идёт о завершении *зийарата* Шайбани-ханом.

Северный портал функционально парадным входом не был, наружная дверь в гурхане никогда не открывалась. Его роль иная – структуро- и формообразующая. Вместе со сфероконическим ребристым куполом на высоком цилиндрическом барабане северный портал создаёт выразительный запоминающийся композиционный узел на северном фасаде мавзолея Ясави, отмечая местоположение почитаемой могилы. Порог северного портала не переступался, но перед ним возносилась молитва во время зийарата, что наделяло его значением зийарат-ханы.

Ниша Ильяс-хана если и играла роль внешней зийарат-ханы, то, скорее всего, в позднее время, что должно совпадать с появлением *чираг-ханы*, отмеченной М.Е. Массоном и на плане мавзолея 1938 года. В этом случае обряд зийарата сопровождался возжиганием огня, своеобразным реликтом доисламских верований, удерживающимся в суфийской практике.

Итак, археологически установлено – ниша Ильяс-хана не была сенью над почитаемым погребением; не служила она и парадным входом, хотя бы потому, что дверь и помещение за нею были заложены ещё в период строительства мавзолея. Не будучи порталом, функционально, восточная ниша не является таковым и архитектурно. Она лишена главных признаков, характеризующих традиционный пештак – не занимает центрального положения в композиции фасада; не выделяется из плоскости фасадной стены, хотя имеет значительную глубину, и не превышает её по высоте, т.е. не представляет собою «переднюю арку», что составляет суть термина «пештак» [5, с. 159]; имеет очень узкую раму и не выделяется декором.

Между тем в истории архитектуры Мавераннахра есть примеры портала, который (по выражению Л.И. Ремпеля) «никуда не ведёт». Таковым он назвал портал, обрамляющий михраб загородной мечети Намазгох в Бухаре (1119–1120) [27, с. 61]. Такое прочтение структуры михрабной ниши, на наш взгляд, небесспорно. Этот михраб двухчастный – состоит из собственно ниши михраба и обрамляющей его большой декоративной арки [13, с. 31]. На плане этот архитектурный элемент выглядит, как и все михрабы, в виде одной ступенчатой ниши [4, с. 9, рис. 2]. «Внешняя», весьма неглубокая для портала, арка бухарского мизхраба воспринимается более самостоятельной, так как значительно превышает по высоте «внутреннюю» михрабную нишу, имеющую конховое завершение, украшенное сталактитами [4, илл. 8].

Пример бухарской Намазгох показывает, что, будучи функционально обособленными и самостоятельными, михраб (молитвенная ниша) и портал (парадный вход), в архитектурном отношении не имеют чётких разграничений. Однако утверждение В.Л. Ворониной, что михраб в миниатюре повторяет пештак, не совсем справедливо [5, с. 161]. Михраб – это поставленный вертикально прямоугольник с вписанной в него нишей, имеющий устойчивые, в общем-то, пропорции, тогда как пештак бесконечно может варьировать в размерах и пропорциях, достаточно вспомнить непомерно широкие арки в порталах тимуридских медресе.

Если принять в качестве рабочей гипотезы, что ниша Ильяс-хана в мавзолее Ясави, никогда не служившая входом, в какой-то период его истории играла роль михраба, первым вопросом будет вопрос о том, каким образом этот важнейший детерминирующий элемент *мечети* оказался на боковом фасаде суфийского храмового комплекса.

Надо иметь в виду, что архитектура ислама строится на принципе осевых построений, где вся иерархия осей подчиняется главной оси – *кибле*. В мавзолее Ясави выделяются несколько сакральных осей. Очень сильно звучит продольная структурообразующая ось в направлении «юг–север», на которой находятся входной портал, казандык, гурхана и северный портал. Не менее важное значение в сакральном отношении имеют поперечные оси, параллельные кибле. Эта «ось ислама» в мечети комплекса акцентирована роскошным михрабом, на восточном фасаде – нишей Ильяс-хана.

Устройство «внешнего михраба» в мавзолее Ясави может найти объяснение в том случае, если воспринимать восточный фасад комплекса в качестве архитектурной аллюзии к загородному типу мечети намазгох, классическим образцом которой в древней своей части, относящейся к XII в., служит упоминавшаяся мечеть Намазгох в Бухаре [13, с. 31–33]. Такие мечети предназначались для всенародных молений два раза в году – в праздники *ид аль-адха* (араб.) или *курбан-байрам* (тюрк.) и *ид аль-фитр* (араб.) или *ураза-байрам* (тюрк.) [10, с. 90]. Мавзолей Ясави был местом притяжения религиозной жизни огромного региона, находился на древнем некрополе, что вполне отвечало традициям мечетей-намазгох. Это одно из условий, по которым суфийский храмовый

комплекс мог принять на себя дополнительные функции загородной праздничной мечети. Исходный её тип представлял собой стену с михрабом [19, с. 144]. В Туркестане эту задачу на себя могла символически взять ниша Ильяс-хана

Поскольку ниша Ильяс-хана в качестве михраба обращена вовне, за пределы комплекса, то естественно предположить перед нею наличие *мусалла* (араб. *место молитвы*) – обширной молитвенной площади, архитектурно связанной со стеной с михрабом.

Незначительный на первых этапах изучения памятника иконографический и топографический материал не даёт возможности для определённых выводов, оставляя вопрос в области предположений. На плане г. Туркестана, скопированном Д.Г. Мессершмидтом с оригинала XVI в., мавзолее Ясави обозначен в виде отдельно стоящей башни. Около этого изображения-символа угадывается достаточно свободное пространство [9, с. 173].

Исторически сложилось так, что цитадель Туркестана возникла на древнем некрополе, исключительный статус которого был закреплён и продолжал возрастать с возведением суфийского храмового комплекса. Само здание мавзолея Ясави по прочности, масштабу и монументальности превышающее любое сооружение, возникшее на некрополе после него, помимо многих своих значений, в какой-то мере принимало на себя и оборонительные функции. Начиная с XVI в., мавзолее Ясави неизменно включается в систему оборонительных стен, общегородских и крепостных. При этом территория некрополя уже с конца XIV–XV вв. постепенно входит в городскую застройку [30, с. 75]. В середине XIX в. возводится последний арк Туркестана, внутри сплошь застроенный. Освоение этой территории под жилую застройку началось ещё в конце XIV–XV вв. [29, с. 12]. После этого круговой обход (*таваф*) при исполнении зийарата наверняка сделался затруднительным. Значение «внешней зийарат-ханы» переходит к нише Ильяс-хана, в ней появляется чирак-хана. Но отголоски её первоначальной роли, возможно, сохраняются в городской микротопонимике. М.Е. Массон упоминает четверо ворот в городской стене Туркестана начала XIX в., одни из которых носили название «*Мусалла-капка*» (или *Баб-Араб* – по имени одного из учеников Ходжи Ахмеда Ясави) [20, с. 9]. Сложно судить о происхождении такого названия ворот и о том, на что они могли указывать – на площадь к востоку от мавзолея, постепенно занятую поздней фортификацией Туркестана, застроенную уже в XVI–XVIII вв., или на объект за пределами городской стены. В данном случае непросто опираться на археологические исследования, поскольку топография местности, непосредственно, прилегающей к мавзолею, была полностью сnivelирована на уровне XIV в. (местами XII в.) в ходе земляных работ в 1958 г. [37, с. 25]. Тем не менее, именно археологические открытия второй половине XX в. служат косвенным подтверждением гипотезы о нише Ильяс-хана. Если принять во внимание, что город Ясы V–XIV вв. локализуется на месте средневекового городища Культобе [29, с. 13], то мавзолее Ясави, находящийся на некрополе в 300–400 м севернее Культобе, т.е. «за городом», мог в XIV в. ассоциироваться с загородной мечетью. Таковым его положение оставалось некоторое время и для «нового города» Туркестана, когда в XIV в. жители Ясы переселяются на новое место – Шавгар (городище Шойтобе), пока арк (цитадель) не слился с шахристаном [29, с. 13].

Против восприятия ниши Ильяс-хана в качестве михраба можно выдвинуть ряд возражений, на первый взгляд, совершенно обоснованных. Для них нетрудно сформулировать столь же мотивированные контраргументы. Например, дверь в щипцовой стене ниши, как и в северной, грани восточного минарета, очевидно, была техническим или аварийным выходом в период возведения главного портала. После его завершения она, вместе с целым рядом других второстепенных проёмов в фасадных стенах, была заложена. Асимметричное расположение ниши обусловлено тем, что устройство михраба по центру фасада нарушило бы логику всей объёмно-пространственной композиции. Такое размещение ниши означало бы изменение внутренней структуры комплекса и преобразования функционального порядка, поскольку монументальная ниша заняла бы место Малого Ак-Сарая. Смещение её к массиву главного портала не нарушало гармонии и законченности «сосредоточенного плана» (по выражению С.Г. Маллицкого) внутри храмового пространства, а в конструктивном отношении ниша также принимала на себя распор гигантской арки главного портала.

Ниша Ильяс-хана не укладывается в привычные представления о михрабе. Она менее декоративна. В качестве михраба превышает обычные размеры и по-настоящему монументально.

Орнамент, геометрический и эпиграфический, очень сдержан и подчёркнуто линейен в стиле декора всех фасадов. По сравнению с полихромией кашинного набора михраба внутри мечети ниша Ильяс-хана выглядит довольно аскетично. Её «П»-образная рама очень узка, целиком повторяет внешний бордюр обрамления северного портала мавзолея Ясави. Это исключает присутствие обычной коранической надписи, обрамляющей нишу михраба.

Казалось бы, отсутствие богословско-дидактической программы (цитаты из Корана и хадисов), присущей каноническим михрабам, не позволяет проводить параллели между восточной нишей и михрабом мечети. Оттого что в нише Ильяс-хана не имеется развитых порталных форм, соответственно сужается поле для применения эпиграфики. К тому же обильный полихромный декор выглядел бы диссонансом на фоне геометризованного гириха, развёрнутого справа налево по восточному фасаду. Эпиграфика ниши Ильяс-хана ограничивается именем Пророка «Мухаммад», многократно повторяющимся в точечной надписи на щипцовой стене, и восклицаниями «О, Милостивый! О, Милосердный!» в квадратах на софитах арки [14, с. 89]. В обрамлении квадратов Б.Т. Туякбаева также прочитала слово «Аллах» [34, с. 58]. В целом в нише Ильяс-хана продолжена заданность эпиграфики, свойственная всему восточному фасаду.

С другой стороны, можно предположить, что эпиграфический репертуар ранних праздничных мечетей Средней Азии, имеющих линейную композицию плана, т.е. представляющих собой стену с михрабом, также был ограничен. В михрабе упоминавшейся бухарской Намазгох XII в., за исключением «П»-образной рамы с формулой «Власть принадлежит Аллаху» (в нише Ильяс-хага отсутствует), в нише помещены только повторяющееся слово «Мухаммад» и имена четырёх праведных халифов [13, с. 33]. Вышесказанное не означает, что между нишей Ильяс-хана и собственно *михрабом* мечети, предназначенной для пятикратной ежедневной молитвы, следует ставить безусловный знак равенства. Комплекс мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави – это сооружение, не имеющее аналогов ни до него, ни после него, вобравшее в себя множество явных и скрытых смыслов, отчего многое в нём сделано «не по правилам» и продиктовано не официальным исламом, а суфийской теософией и обрядностью. Скорее всего, восточная ниша в числе других, неявных значений, может символизировать присутствие праздничной мечети на некрополе, где всё подчинено памяти благочестивого суфия. Она может также выступить одним из признаков, указывающих на *храмовое* содержание комплекса. Если попытаться проявить «онтологизированный» подход, то тема михраба по отношению к нише Ильяс-хана, вероятно, окажется не менее значимой, чем подход «функциональный».

С.Г. Маллицкий в своём обстоятельном концептуальном очерке о мавзолее Ясави не придал никакого значения восточной нише [15, с. 6–28]. При первом взгляде на план сооружения, ниша, казалось бы, не имеет ни малейшего отношения к концепции Маллицкого «сосредоточенного плана» Св. Софии в Константинополе и мавзолея Ясави в г. Туркестане, построенной на анализе структуры сакрального пространства *внутри* этих храмовых зданий. Между тем, на наш взгляд, восточная ниша с этой концепцией соотносится, не структурно, не иконографически, а семантически, являясь одним из скрытых проявлений соломонова начала в суфийском храмовом комплексе.

Если мыслить узко-функционально, то назначение михраба – указывать направление молитвы. Однако обозначением кибловой оси его роль в архитектуре мечети не ограничивается. Михраб несёт в себе целый комплекс явных и скрытых значений, уводящих его происхождение и генезис к истокам авраамических религий. Михрабная ниша первоначально интерпретировалась как «уменьшенная копия дворцовой апсиды» [32, с. 499]. Прототипом михраба считают и царский балдахин во дворцах. В религиозном контексте это было «святилище», форма его восходит к античному Ближнему Востоку. Этим купольно-портальным формам (в плоском изображении – арка) среди семитских народов придавалось сакральное значение [22].

Это один из вариантов интерпретации михраба в плане иконографии. Не менее сложно его богословско-символическое истолкование. В аяте 34-й Суры («Саба»), следующей за стихом «А Сулайману – ветер...», в перечислении других работ говорится, что джинны делают Сулайману «...что он пожелает, из алтарей» (Коран, 34:12). «Алтари» У. Дж. Гамблин переводит как «места служения», обозначаемые арабским словом «махариб» [7]. *Махариб* – множественное число слова «*михраб*». Последнее более определённо соотносится со строительством храма Соломона (Сулаймана).

Михраб в Коране упоминается не единожды. И ни в одном месте – в значении архитектурного элемента здания; в кораническом контексте – это здание, недвусмысленно указывающее на

Иерусалимский храм. Данная конкатенация приобретает ещё более определённые черты, когда в действие включается новозаветная традиция, также находящая параллели в Коране, как и ветхозаветные тексты. В особенности это касается мариологического цикла. В 3-й Суре («Семейство Имран») повествуется: «Всякий раз, как Закария входил к ней (Марьям – авт.) в михраб, он находил у неё пропитание...» (Коран, 3:32). Данный эпизод отражает факт вхождения Иерусалимского храма в Новый Завет через мариологический цикл. Исламская традиция не следовала буквально за событийной канвой библейской истории, но учитывала весь комплекс ближневосточных мифологических источников, воспринимая не столько сюжет, сколько его символическое содержание. Иерусалимский храм, архитектурно обозначаемый как михраб, входит не только в Новый Завет, но и Коран, через образ Марии.

В исламе михраб – кораническое воплощение Храма, становится в ассоциативный ряд с Каабой. А чёрный камень Каабы – это образ ключа к Небесному храму [39, с. 121]. Здесь авраамическая традиция приобретает некую завершенность, становясь символической скрепой для храмовых идей христианства и ислама. В этом русле развивается единая генеративная линия традиции мусульманской теменологии, в которой Каабе отведена роль *протохрама*, основанного Авраамом (Ибрахимом); воплощённая же идея Храма получит своё завершение при Соломоне [39, с. 121].

Ниша Ильяс-хана, ассоциируемая с михрабом, должна была свидетельствовать об отношении мавзолея Ясави к храмовой традиции монотеизма, восходящей к Иерусалимскому Храму, отражая это через суфийское мировоззрение. Когда ибн Рузбихан называл мавзолеем Ясави «Великим собором города Йаси» и уподоблял его образу храма Байт аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме [11, с. 210], он, несомненно, имел в виду историческую аллюзию к Храму Соломона (Сулаймана).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Древний Туркестан // Новости археологии. – 1997. – № 1 (январь–июнь). С. 64–68.
- [2] Бакланов Н.Б. Три сооружения Тимура // Труды Всероссийской Академии художеств. – М.-Л.: Искусство, 1947. – Вып. I. – С. 51–66.
- [3] Бекчурин М.С. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – № 8. – С. 209–217 (отд. 2, ил.).
- [4] Воронина В.Л. Архитектурные памятники Средней Азии: Бухара, Самарканд: Альбом. – Л.: Аврора, 1969. – 38 с., 24 л. ил.
- [5] Воронина В.Л. Эстетика форм в монументальном зодчестве Средней Азии // Архитектурное наследство. – 1981. – Вып. 29. – С. 154–169.
- [6] г. Туркестан. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. План I-го этажа // Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее: ЦГА РУз.). Ф. Р2406. Оп. 1. Д. 1462.
- [7] Гамблин У.Д. Иерусалимский Храм в Коране [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://mesto.org.il/2012-07-06-52-44/986-quran1>.
- [8] Грубе Г.Р. Кучмар А. Путеводитель по архитектурным формам: Справочник. – М.: Стройиздат, 1990. – 216 с.
- [9] Ёлгин Ю.А. Из истории изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. XVIII век // Известия НАН РК: Серия обществ. наук. – 2011. – № 3. – С. 168–180.
- [10] Ид аль-адха. Ид аль-фитр // Ислам: Словарь атеиста. – М.: Политиздат, 1988. – С. 90.
- [11] Из «Михман-нама-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана // История Казахстана в персидских источниках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. V: Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. – 476 с.
- [12] Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмад Ясави» в г. Туркестане // ЦГА РУз. Ф. Р2406. Оп. 1. Д. 344.
- [13] Кочнев Б.Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1976. – 84 с.
- [14] Мавзолей Ходжа Ахмада Ясави / А.К. Муминов, М. Кожа, С. Молдаканатагулы. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Алматы: «Эффект» ЖППС, 2011. – 208 с.
- [15] Малликий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Ясавийского в гор. Туркестане // Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии. – 1908. – Вып. XII. – С. 6–28.
- [16] Маньковская Л.Ю. К изучению приёмов среднеазиатского зодчества конца XIV в.: (Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави) // Искусство зодчих Узбекистана. – 1962. – Вып. I. – С. 93–142.
- [17] Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане // Известия АН КазССР: Серия истории, археологии и этнографии. – 1960. – Вып. 3 (14). – С. 52–69.
- [18] Маньковская Л.Ю. Ремонты и реставрация мавзолея Ахмада Ясави в городе Туркестане Казахской ССР // ЦГА РУз. Ф. Р2810. Оп. 1. Д. 16.
- [19] Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980.

– 183 с.

- [20] Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типо-тит. – № 2 Узполиграфтреста, 1930. – 22 с.
- [21] Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городе Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. – Ташкент, 1929. – Т. XIX. – С. 39–43.
- [22] Михраб [Электронный ресурс]. Режим доступа: khatt.ru/hand_book/?states&id_theme=5&id
- [23] Нурмухаммедов Н.Б. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Алма-Ата: Онер, 1980. – 37 с., 75 л. ил.
- [24] Письма архитектора Тины Шалвовны Карумидзе // ЦГА РУз. Ф. Р2406. Оп. 1. Д. 906.
- [25] Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата: (из истории архитектуры Мавераннахра IX–X вв.). – Ташкент: АН УзССР, 1963. – 119 с. (Искусство зодчих Узбекистана. – Вып. II).
- [26] Резван Е.А. Зийара // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, ГРВЛ, – 1991. – С. 77.
- [27] Ремпель Л.И. Искусство среднеазиатского Междуречья IX – начала XIII века // Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. – М.: Сов. художник, 1978. – С. 42–111 (Избранные труды по истории и теории искусств).
- [28] Сардаров А. Генезис входа // Архитектура СССР. – 1988. – № 5. – С. 72–77.
- [29] Смагулов Е.А. Обзор стратиграфических данных и наблюдений по топографии средневекового Туркестана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2000. – № 1. – С. 3–17.
- [30] Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Основные этапы формирования некрополя средневекового Туркестана: (к 1500-летию г. Туркестана) // Саясат. – 1996. – № 2. – С. 72–78.
- [31] Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 1998. – № 1. – С. 18–25.
- [32] Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 544 с.
- [33] Туякбаева Б.Т. Эпиграфика в архитектуре ханаки Ахмеда Ясеви // Искусство Казахстана. Изобразительное искусство, архитектура, театр и кино, музыка и музыковедение. – Алма-Ата: Онер, 1987. – С. 28–34.
- [34] Туякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясеви. – Алма-Ата: Онер, 1989. 176 с.
- [35] Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. К истории строительства ханаки Ходжа Ахмеда Ясеви // Известия АН КазССР: Серия обществ. наук. – 1985. – № 4. – С. 63–69.
- [36] Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. Мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры ханаки Ахмеда Ясеви // Памятники истории и культуры Казахстана: Сб. Центрального совета Казахского общества охраны памятников истории и культуры. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – Вып. 4. – С. 106–116.
- [37] Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. О цитаделях города Туркестана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2000. – № 1. – С. 17–27.
- [38] Шахурин К.А. Научно-археологический отчет по работам на памятнике архитектуры Ходжа-Ахмед-Ясеви в г. Туркестане в 1992 году // Архив Главного управления памятников материальной культуры и музеев Министерства культуры РУз., Я ²³³² III/31.
- [39] Шукуров Ш.М. Образ храма. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 496 с.
- [40] Cheorghiu D. Gates and doors The rites of passage before the modern age // Annure roumain d'antropologie – 1994 – T. 31. – P. 79–88.

REFERENCES

- [1] Baypakov K. M., Smagulov E. A. Ancient Turkestan//archeology News. **1997**. No. 1 (January-June). p. 64-68.
- [2] Cormorants N. B. Three constructions of Timur//Works of the All-Russian Academy of Arts. M.-L.: Art, **1947**. Issue I. p.51-66.
- [3] Bekchurin M. S. The description of the mosque of Azret which is in the city of Turkestan//the Military collection. **1866**. No. 8. p.209-217 (отд. 2, сilt.).
- [4] Voronina V. L. Architectural monuments to Central Asia: Bukhara, Samarkand: Album. L.: Aurora, **1969**. 38 p., 24 l. silt.
- [5] Voronina V. L. An esthetics of forms in monumental architecture of Central Asia//Architectural inheritance. **1981**. Issue 29. p.154-169.
- [6] Turkestan. Hodge Ahmed's mausoleum of Yasevi. Plan of the I floor//Central state archive of the Republic of Uzbekistan (further: TsGA RUZ.). T. P2406. Оп. 1. 1462.
- [7] Gamblin U. D. The Jerusalem Temple in the Koran [An electronic resource] the access Mode: <http://mesto.org.il/2012-07-06-52-44/986-quran1>.
- [8] Grube G. R. Kuchmar A. Guide to architectural forms: Reference book. M.: Stroyizdat, **1990**. 216 p.
- [9] Yolgin Yu. A. From history of studying of the mausoleum of Hodge Ahmed of Yasavi. 18th century // News of NAN RK: Series of societies. sciences. **2011**. No. 3. p.168-180.
- [10] Eid al-Adha. Al-fitr ides//Islam: Dictionary of the atheist. M.: Politizdat, **1988**. p.90.
- [11] From "Mikhman-nama-yi Bukhara" of Fazlallah ibn Ruzbikhan//History of Kazakhstan in the Persian sources. Almaty: Dayk-Press, 2007. – T.V: Extraction from compositions of the 13-19th centuries. 476 p..
- [12] A research, solidifying and restoration of a monument "Ahmad Yasevi" in Turkestan//TsGA RUZ. T. P2406. Оп. 1. 344.
- [13] Kochnev B. D. Medieval country cult constructions of Central Asia. Tashkent: Fan, **1976**. 84 p..
- [14] Hodge Ahmad Yasavi's mausoleum / A. K. Muminov, M. Kozha, S. Moldakanagatula. Prod. the 3rd, reslave. and additional – Almaty: "Effect" of ZhShS, **2011**. 208 p.
- [15] Mallitsky S. G. Historical and architectural value of the mosque of Hazret Yassaviysky in mountains. Turkestan//Protocols of meetings and message of the Turkestan circle of fans of archeology. **1908**. Issue XII. p.6-28.
- [16] Mankovskaya L. Yu. To a study of methods of the Central Asian architecture of the end of the 14th century: (Hodge Ahmed Yasevi's mausoleum)//Art of architects of Uzbekistan. **1962**. Issue I. p.93-142.

- [17] Mankovskaya L. Yu. Some architectural and archaeological observations on restoration of a complex of Hodge Ahmed Yasevi in Turkestan//AN News KAZSSR: Series of history, archeology and ethnography. **1960**. Issue 3 (14). p.52-69.
- [18] Mankovskaya L. Yu. Repairs and restoration of the mausoleum of Ahmad Yassavi in the city of Turkestan of the Kazakh SSR//TsGA of RUZ. T. p.2810. Оп. 1. 16.
- [19] Mankovskaya L. Yu. Typological fundamentals of architecture of Central Asia (IX – the beginning of the 20th century). – Tashkent: Fan, **1980**. – 183 p..
- [20] Masson M. E. Mavzolya Hodzha Akhmeda Yasevi. Tashkent: Tipo-tit. - No. 2 of Uzpolidagftrest, **1930**. 22 p..
- [21] Masson M. E. About construction of the mausoleum of Hodge Ahmed in the city of Turkestan//News of the Central Asian geographical society. Tashkent, **1929**. T. XIX. p.39-43.
- [22] Mikhrab [An electronic resource]. Access mode: khatt.ru/hand_book/?states&id_theme=5&id
- [23] Nurmukhammedov N. B. Mavzolya Hodzhi Akhmeda Yasevi. Alma-Ata: ner, **1980**. 37 p., 75 l. silt.
- [24] Letters of the architect Tina Shalvovna Karumidze//TsGA RUZ. T. p.2406. Оп. 1. 906.
- [25] Pugachenkova G. A. Mausoleum Arab-Ata: (from history of architecture of Transoxiana of the 9-10th centuries). Tashkent: AN UZSSR, **1963**. 119 p.. (Art of architects of Uzbekistan. - Issue II).
- [26] Rezvan E. A. Ziyara/Islam: Encyclopedic dictionary. M.: Science, GRVL, **1991**. p.77.
- [27] Rempel L. I. Art of the Central Asian Entre Rios IX – the beginnings of the 13th century//Rempel L.I. Art of the Middle East. M.: Sov. artist, **1978**. p.42-111 (The chosen works on history and the theory of arts).
- [28] Sardarov A. Genesis of an entrance//Architecture of the USSR. **1988**. No. 5. p.72-77.
- [29] Smagulov E. A. Review stratigraficheskikh of data and observations on topography of medieval Turkestan//News NAN RK. Series of societies. sciences. **2000**. No. 1. p.3-17.
- [30] Smagulov E. A., Grigoriev F. P. Main stages of formation of a necropolis of medieval Turkestan: (to the 1500 anniversary of Turkestan)//Sayasat. **1996**. No. 2. p.72-78.
- [31] Smagulov E. A., Tuyakbayev M. K. Novoye in early history of a necropolis of Turkestan//NAN RK'S News. Series of societies. sciences. **1998**. No. 1. p.18-25.
- [32] Surdel D., Surdel Zh. Tsivilization of classical Islam. Yekaterinburg: U-trading station, **2006**. 544 p.
- [33] Tuyakbayeva B. T. Epigrafik in architecture of a hanaka of Ahmed Yasavi//Art of Kazakhstan. Fine arts, architecture, theater and cinema, music and musicology. Alma-Ata: ner, **1987**. p.28-34.
- [34] Tuyakbayeva B. T. Epigrafichesky decor of an architectural complex of Ahmed Yasavi. Alma-Ata: ner, **1989**. 176 p.
- [35] Tuyakbayeva B. T., Proskurin A. N. To history of a construction of a hanaka of Hodzhi Ahmed Yasavi//AN News KAZSSR: Series of societies. sciences. **1985**. No. 4. p.63-69.
- [36] Tuyakbayeva B. T., Proskurin A. N. World outlook bases of functional and planning structure of a hanaka of Ahmed Yasavi//Historical and cultural monuments of Kazakhstan: Sat. Central office of the Kazakh society of protection of historical and cultural monuments. Alma-Ata: Kazakhstan, **1989**. Issue 4. p.106-116.
- [37] Tuyakbayeva B. T., Proskurin A. N. About citadels of the city of Turkestan//NAN RK'S News. Series of societies. sciences. **2000**. No. 1. p.17-27.
- [38] Shakhurin K. A. The scientific and archaeological report on works on a monument of architecture of Hodge-Ahmed-Yasevi in Turkestan in 1952//Archive of Head department of monuments of material culture and museums of the Ministry of Culture of RUZ., I.
- [39] Shukurov Sh. M. Image of the temple. M.: Progress-Tradition, **2002**. 496 p.
- [40] Cheorghiu D. Gates and doors the rites of passage before the modern age//Annure roumain d'antropologie. **1994**. T. 31. p. 79-88.

Ю.А. Ёлгин

М.О. Әуезов атындағы ОҚМУ жанындағы Археологиялық зерттеулер ҒЗИ,
Шымкент қаласы, Қазақстан

ИЛЪЯС ХАННЫҢ НИШАСЫ: ПОРТАЛ НЕМЕСЕ МИХРАБ?

Аннотация. Ильяс ханның нишасы Қожа Ахмед Яассауи кесенесі кешеніндегі жеке сәулеттік элемент ретінде алғаш рет қарастырылып отыр. Оның Қожа Ахмед кесенесіндегі сопылық храм кешенінде пайда болуы, композициялық және мінәжаттық орны мен маңыздылығы жөніндегі мәселелер көтеріледі. Портал және мирабтық ниша ретінде оны түсіндірудің нұсқалары талданады. Авторлар өздерінің болжамында сүйенген Яассауи кесенесі бойынша жазылған әдеби деректерді талдауы XX ғасырдың екінші жартысындағы археологиялық және архитектуралық-инженерлік зерттеулерден дәлелдеулер табады.

Кілт сөздер: ислам, суфизм, мешіт, михраб, пенптак, портал, архитектура, археология, қазба, пурф, мемориальды, жерлеу, ниша, арка, кесене, храм, нерополь.